g 49/1202

Д 29
1202

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЖИЗНИ,

КОНЧИНА и ПОГРЕБЕНІЕ

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО ІОАННИКІЯ

Митрополита Кіевскаго и Галицкаго,

Священно-Архимандрита Успенскія Кіево-Печерскія Лавры,

Первенствующаго Члена Святѣйшаго Сунода.

КІЕВЪ
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мерѣиговская улица.
1900.

Д 49
1202

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЖИЗНИ,

КОНЧИНА и ПОГРЕБЕНІЕ

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО ІОАННИКІЯ

Митрополита Кіевскаго и Галицкаго,

СВЯЩЕННО-АРХИМАНДРИТА УСПЕНСКАГО КІЕВО-ПЕЧЕРСКАГО ЛАВРЫ,

Первенствующаго Члена Святѣйшаго Сунода.

РУМЯНЦЕВ. МУЗЕЙ БИБЛІОТЕКА

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1900.

Отъ Кіевск. дух. цензуры. Комитета печат. дозвол. Кіевъ, 20 го Іюля 1900 г.
За цензора Протоіерей *П. Преображенскій.*

Послѣдніе дни жизни, кончина и погребеніе Высокопреосвященнаго Іоанникія Митрополита Кіевскаго и Галицкаго, Священно-Архимандрита Успенскія Кіево-Печерскія Лавры, Первенствующаго Члена Святѣйшаго Сунода.

Тяжелую утрату понесла Русская Православная Церковь: 7-го іюня въ 1 ч. 12 м. дня почилъ ея Перво-Іерархъ Митрополитъ Кіевскій и Галицкій Іоанникій.

Еще въ 1897 году, въ Великій Четвертокъ, во время пѣнія стихиръ „на Господи воззвахъ“ высокопреосвященнѣйшій Владыка почувствовалъ дрожаніе въ ногахъ и страхъ стоять одному на срединѣ церкви. Взойдя въ св. алтарь во время малаго входа, Владыка оправился. Тогда этотъ первый случай дрожанія ногъ былъ объясненъ тѣмъ утомленіемъ, которое Владыка долженъ былъ испытать при передачѣ сосудовъ съ Мѵромъ, при перенесеніи ихъ изъ Михайловской подпокойной церкви въ Великую, по случаю совершавшагося тогда освященія Мѵра. Въ дальнѣйшее время однако страхъ стоянія на срединѣ церкви и на возвышеніи горняго мѣста въ св. алтарѣ не оставлялъ Владыку до конца жизни, такъ что онъ уже почти никогда при служеніи не облачался на срединѣ храма и не восходилъ на ступени горняго мѣста; кромѣ сего еще въ 1893 году у Владыки оказались признаки сахарной болѣзни. Но при тщательномъ надзорѣ со стороны врачей и особенной тщательности и исполненіи ихъ предписаній, и сыновней любви со стороны его сначала келейнаго, а потомъ домашняго секретаря, прослужившаго Владыкѣ вѣрою и правдою 27 лѣтъ, А. П. Левкова, физическія силы Владыки всегда была настолько крѣпки, что онъ никогда не оставлялъ своихъ обычныхъ занятій и, по мѣрѣ возможности,

совершалъ даже продолжительныя богослуженія. День Владыки при его болѣзненномъ состояніи нисколько не измѣнился сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда онъ былъ совершенно здоровъ. Ранняя литургія въ 7 ч., чай, пріемъ просителей, чтеніе дѣлъ и писаніе резолюцій, прогулка, обѣдъ съ чтеніемъ газетъ, краткій отдыхъ, вечерній чай, прогулка и занятіе дѣлами до 9 ч., въ 9 ч. ужинъ опять съ чтеніемъ книгъ, затѣмъ ночной отдыхъ,—и такъ изо дня въ день. Люди, видавшіе Владыку рѣдко, замѣчали въ немъ ослабленіе силъ, но стоявшимъ къ нему близко казалось, что Владыка все тотъ-же, неизмѣнно бодрый, всегда спокойный, ровный, дѣятельный архипастырь, дни котораго еще далеко не сочтены. Правда, для всѣхъ было очевидно, что Владыка въ нынѣшнемъ году возвратился изъ С.-Петербурга весьма слабымъ и въ немъ стала обнаруживаться совершенно несвойственная его характеру нѣкоторая раздражительность. Потомъ служенія Страстной седмицы, освященіе Мура, пасхальное служеніе, пріемъ посѣтителей, болѣзнь, кончина и погребеніе Великой Княгини Александры Петровны сильно утомили Владыку; 1 и 3 мая Владыка не могъ уже совершать литургіи и его слабость и упадокъ силъ сдѣлались очевидны даже для всѣхъ, близко стоявшихъ около него людей. Но потомъ отдыхъ въ Голосѣевѣ, мѣры, принятыя врачами и теплая погода снова оживили Владыку настолько, что въ Вознесеніе онъ одинъ, безъ викарія, совершилъ литургію въ крест. голосѣевской церкви; а въ день Св. Троицы въ сослуженіи съ преосвященнымъ Сергіемъ, епископомъ уманскимъ, совершалъ литургію и вечерню въ трапезной лаврской церкви и былъ на столько бодръ, что даже самъ читалъ первую молитву Пятидесятницы. Возвратясь въ келліи, Владыка кушалъ кофе и кусочекъ хлѣба съ масломъ и затѣмъ крѣпко заснулъ, причемъ сонъ его продолжался два часа; послѣ сна, немного покушавъ, Владыка поѣхалъ въ Голосѣево и по отзыву бывавшаго у него каждый вечеръ доктора—физически былъ бодръ, а духомъ спокоенъ. Но служеніе Владыки въ день Св. Троицы въ сооруженномъ имъ обширномъ трапезномъ храмѣ, обставленное особою торже-

ственностью, по величію праздника, было для Владыки послѣднимъ на землѣ служеніемъ и это служеніе было предвозвѣщено не однимъ только величавымъ благовѣстомъ въ большой лаврскій колоколъ, Владыкою устроенный, но и нѣкоторымъ небеснымъ предзнаменованіемъ: когда священноархимандритъ лавры, отслушавъ всенощную въ своей крестовой голосѣевской церкви, направлялъ свой путь въ свой стольный градъ, въ свою св. Лавру, чтобы совершить въ ней свое послѣднее священнодѣйствіе, надъ Кіевомъ разразилась страшная гроза, самый сильный ударъ которой въ Михайловскомъ монастырѣ раздался во время пѣнія стихиры „Пріидите Тріипостасному Божеству поклонимся“ и привелъ своею необычайностью и блескомъ молніи въ нѣкое оцѣпенѣніе всѣхъ стоявшихъ въ храмѣ; самая же большая сила удара оказалась въ куполѣ Великой лаврской церкви, гдѣ молнія полосою обожгла позолоту и въ нѣсколькихъ мѣстахъ испортила штукатурку.

Въ Духовъ день, вечеромъ, Владыку посѣтилъ преосвященный Сергій, епископъ уманскій. Погода была тихая, теплая и ясная. Отъ 5 до 7 час. вечера Владыка провелъ время съ преосвященнымъ, прогуливаясь въ паркѣ, въ саду и сидя на балконѣ. Владыка былъ совершенно бодръ, входилъ на горку, ведущую изъ сада къ дому, по размытой дождемъ дорожкѣ, твердо и безъ посторонней помощи взошелъ на лѣстницу балкона. Предметомъ разговора служило современное состояніе духовно-учебныхъ заведеній; разбирались недостатки учебника Иванова по предм. Св. Писанія Нов. Завѣта; сравнивались краткость и основательность познаній, сообщавшихся старою духовною школою, и обширность и неосновательность ихъ современной духовной школы, ея неумѣнье разобраться въ главномъ и второстепенномъ. Говорили о томъ, что прежде мальчикъ въ 9 лѣтъ уже зналъ уставъ церковный, а нынѣ его не знаютъ окончившіе курсъ семинаріи. Владыка возлагалъ большую надежду на предполагаемыя для всѣхъ воспитанниковъ семинаріи общежитія и предполагалъ дня черезъ два приняться за чтеніе отзывовъ преосвященныхъ по этому предмету. Бесѣда Владыки

съ преосвященнымъ была на нѣкоторое время прервана посѣщеніемъ госпожи Пупышевой, жены церковнаго старосты Маріинскаго епархіальнаго училища въ г. Москвѣ, которую Владыка принималъ въ теченіи минутъ 10-ти. Въ 7 ч. прибылъ докторъ, который пользовалъ Владыку массажемъ. Преосвященный Сергій, которому, между прочимъ, Владыка съ 18 іюня далъ двухнедѣльный отпускъ, дождавшись доктора, отправился вмѣстѣ съ нимъ въ Кіевъ, радуясь и разсуждая о томъ, какъ Владыка сталъ бодръ и спокоенъ, при чемъ самъ докторъ намѣревался посѣтить Владыку два раза и въ среду отправиться также въ отпускъ. Очевидно, что и окружавшіе Владыку и самъ онъ были увѣрены въ томъ, что силы его достаточно возстановлены.

На другой день произошла сильная перемѣна въ погодѣ: жаръ смѣнился дождемъ, хотя воздухъ былъ довольно теплый. Вечеромъ въ среду Владыка, по обычаю, гулялъ, при чемъ его едва уговорили сверхъ чесучеваго подрясника надѣть другой подрясникъ тогда, когда онъ возвратился съ прогулки на балконъ. Владыка даже шутилъ надъ келейникомъ, который говорилъ, что холодно, и потребовалъ на балконъ стаканъ чаю. Выкушавши чай, онъ никакъ не хотѣлъ идти съ балкона и увы!... эта неосторожность сдѣлалась роковой. Когда въ 7 час. прибылъ, по обычаю, докторъ, то онъ не нашелъ возможнымъ дѣлать массажъ, такъ какъ съ Владыкою былъ потрясающій ознобъ, смѣнившійся повышеніемъ температуры до 38,5, при сильномъ ослабленіи всего организма. Немедленно былъ приглашенъ проф. Тритшель, который въ четвергъ былъ два раза. Въ пятницу утромъ прибылъ преосвященный Сергій и былъ приглашенъ профессоръ Образцовъ. Врачи Янченко, пользовавшій Владыку массажемъ, и лаврскій врачъ Семеновскій находились при Владыкѣ неотлучно. Два раза въ день посѣщали Владыку профес. Тритшель и Образцовъ. Въ субботу утромъ Владыка сталъ чувствовать себя бодрѣе, попросилъ кушать, просилъ, чтобы ему что нибудь читали, и вообще въ субботу у всѣхъ блеснула надежда на лучшій исходъ болѣзни. Вечеромъ преосвященный Сергій, пославшій Владыкѣ благословенный

хлѣбъ отъ храмоваго праздника Θеофанiи, получилъ изъ Голосѣева извѣстiе, что у Владыки былъ сонъ, температура упала и онъ слушаетъ чтенiе. Ночь прошла благополучно, но къ часу дня температура снова поднялась и Владыка пересталъ быть спокойнымъ. Съ этого времени улучшенiя въ здоровьи уже не было; но доктора, опредѣливъ воспаленiе легкихъ, развившееся вслѣдствiе инфлуэнцы, не теряли надежды, ибо пульсъ, хотя былъ и ускоренный, но ровный, и сердце давало надежду, что оно можетъ выдержать, если процессъ воспаленiя окончится скоро и не будетъ развиваться далѣе. Въ понедѣльникъ утромъ всѣ должностныя лица духовнаго вѣдомства были оповѣщены о болѣзни Владыки и его посѣтили всѣ преосвященные викарiи и губернаторъ. Въ тотъ же день было сдѣлано извѣщенiе чрезъ объявленiе въ газетахъ о болѣзни Владыки и епархiальное начальство просило настоятелей соборовъ, монастырей и церквей о возношенiи моленiй объ исцѣленiи страждущаго Архипастыря; вмѣстѣ съ тѣмъ были извѣщены телеграммами о болѣзни Архипастыря Высокопреосвященные митрополиты С.-Петербургскiй и Московскiй, епископы Нижегородскiй, Саратовскiй и Могилевскiй, В. К. Саблеръ, а также и родственники Владыки, при чемъ отъ митрополита Московскаго была получена въ отвѣтъ телеграмма слѣдующаго содержа́нiя: „глубоко скорблю о болѣзни Владыки; прошу выразить ему мое соболѣзнованiе“. Вечеромъ, въ понедѣльникъ, въ присутствiи врачей, преосвященнаго Сергiя и о. намѣстника Лавры Владыка былъ причащенъ св. Таинъ. Когда iеромонахъ громко началъ читать „Вѣрую, Господи, и исповѣдую“, Владыка открылъ глаза и поднялъ руку, чтобы сотворить крестное знаменiе, но рука въ изнеможенiи упала. Причастился Владыка спокойно.

На другой день утромъ, во вторникъ, послѣ литургiи, совершенной въ крестовой церкви, надъ болящимъ Владыкою преосвященнымъ Сергiемъ, въ сослуженiи iеромонаховъ Голосѣевой пустыни, было совершено таинство елеосвященiя. При первомъ помазанiи Владыка открылъ глаза, а при 2-мъ помазанiи его рука правая оказалась сложенною троеперстно.

Таинство елеосвященія совершалось безъ пропусковъ, хоръ пѣлъ всѣ тропари и ирмосы, а преосвященный читалъ канонъ, прокимны и „аллилуіа“ исполнялись на положенные гласы, а болящій старецъ—архипастырь предлежалъ молящимся, издавая тяжелые вздохи. Тяжело было смотрѣть, какъ этотъ величавый, мудрый, всегда спокойный архипастырь безпомощно страдалъ своимъ тѣломъ, быть можетъ, бодрствуя молитвенно своимъ духомъ, который не имѣлъ силъ побѣдить страждущее тѣло и чрезъ него совершенно ясно выразить свои мысли и чувства. Послѣ прочтенія послѣдней молитвы и отпуста преосвященный наклонился надъ страждущимъ Первосвятителемъ и громко произнесъ отъ лица его: „благословите мя, отцы святіи и братіе, и простите, елика согрѣшихъ предъ вами во вся дни живота моего“. Затѣмъ, всѣ присутствующіе поклонились до земли, причемъ преосвященный произнесъ: „благослови и прости и насъ, преосвященнѣйшій Владыко, отецъ и благодѣтель нашъ“, и всѣ поцѣловали руку болящаго святителя.

Послѣ соборованія прибывшіе врачи, принявъ нѣкоторыя мѣры въ отношеніи желудка, опять вселили нѣкоторую надежду на выздоровленіе страждущаго, ибо исчезла вздутость желудка, дыханіе стало спокойнѣе, безъ хриповъ и даже понизилась температура. Около часа дня опять прибыли всѣ преосвященные викаріи и о. намѣстникъ Лавры, но во время своего пребыванія около Владыки не могли долго утѣшаться надеждою на улучшеніе, ибо температура снова поднялась до 39,3, дыханіе стало безпокойнѣе, пульсъ учащеннѣе, хотя довольно ровный и біеніе сердца безъ перебоевъ. Вся эта усиленная борьба жизни и смерти подъ тяжестью чисто случайнаго простуднаго недуга убѣдила всѣхъ врачей, что организмъ Владыки для его семидесятичетырехлѣтняго возраста во всѣхъ отношеніяхъ былъ весьма крѣпокъ и расшатанность лишь его нервной системы могла не препятствовать его еще, быть можетъ, долгой жизни, но инфлуэнца, сначала осложнившаяся воспаленіемъ дыхательныхъ вѣтвей, распространившимся на легкія, по отзывамъ врачей, не оставила безъ своего воздѣйствія и почки, что

и послужило главнымъ образомъ печальному исходу болѣзни. Вечеръ вторника былъ весьма тяжелъ для болящаго: въ его движеніяхъ обнаружилось нѣкоторое безпокойство; въ 9 час. вечера снова собрались врачи и уже не обѣщали ничего утѣшительнаго. Ночь прошла въ ожиданіи кончины. Литургію въ крестовой церкви начали ранѣе обыкновеннаго. На подушку около головы болящаго были положены крестъ напрестольный и икона Божіей Матери, а на столикѣ зажжена свѣча, которая горѣла около болящаго во время елеосвященія. Преосвященный Сергій читалъ канонъ и молитвы ко св. причащенію, служащій іеромонахъ причастилъ болящаго обѣдненными Дарами, преосвященный прочиталъ благодарныя молитвы; іеромонахъ Алексій прочиталъ каноиъ на исходъ души и сталъ читать акаѳистъ Успенію Божія Матери. Прибыли врачи профессора. Пульсъ достигъ 160, біеніе сердца было уже безпорядочное; очевидно, наставалъ конецъ; стали читать каноиъ Успенію Божія Матери; прибыли преосвященный Сильвестръ и родственникъ Владыки митрополита, ректоръ Черниговской семинаріи протоіерей Ефремовъ; всѣ окружавшіе стали плакать; наставалъ конецъ, а іеромонахъ возглашалъ: „Преукрашенная божественною славою священная и славная Дѣво память твоя вся собра“... „Апостоли отъ конецъ совокупльшеся здѣ въ Геѳсиманійстѣй вси погребите тѣло мое и ты, Сыне и Боже Мой, прiими духъ Мой“.. Болящій сталъ затихать, дыханіе все рѣже и рѣже и какое то двойное, какъ бы два вздоха въ одинъ разъ; преосвященный Сергій окропилъ умирающаго св. водой и сталъ произносить „Господи помилуй“, „Пресвятая Богородица спаси насъ“, „Святый великій Іоанне, Предтече Господень, моли Бога о насъ“ (мірской Ангелъ Владыки), „Святителіе Христовы Петре, Алексіе, Іоно и Филиппе молите Бога о насъ“, „Преподобніи отцы наши Антоніе и Ѳеодосіе и прочіи чудотворцы Печерскіе молите Бога о насъ“, „Преподобніи Отцы Сергіе и Никоне и вси Радонежскіе чудотворцы молите Бога о насъ“, „Святителю отче Ѳеодосіе моли Бога о насъ“, Преподобне отче Іоанникіе моли Бога о насъ“, „Святіи Ангели Господни, храни-

тели наши, молите Бога о насъ"..., но жизнь все еще теплилась въ угасающемъ свѣтильникѣ Россійской церкви... „Господи помилуй", „Господи помилуй", „Господи помилуй"... Умирающій дѣлаетъ непроизвольное движеніе лѣвой ногой, нѣсколько вытягиваетъ лѣвую руку, склоняетъ на бокъ главу свою, подобно тому, какъ склонивъ ее нѣсколько набокъ, онъ предстоялъ всегда престолу Божію. Одинъ глубокій вздохъ, открылись очи, лице и руки покрылись мертвенною блѣдностью и свѣтильникъ тихо угасъ... „Со святыми упокой , Христе, душу раба Твоего" прочелъ преосвященный Сергій и всѣ окружавшіе одръ: преосвященный Сильвестръ, о. намѣстникъ, доктора, келейные опустились со слезами на колѣна,

При одрѣ остались преосвященный Сергій, о. намѣстникъ Лавры, три іеромонаха и послушникъ лаврскій фельдшеръ. Тѣло было препоясано лентіономъ, обнажено отъ сорочки, остался лишь натѣльный крестъ, и отерто крестообразно губою, напаенною чистымъ елеемъ, надѣта чистая сорочка, возложены крестъ и парамонъ, надѣты чистые чулки и туфли, шелковый подрясникъ свѣтло-спреневаго цвѣта, препоясанный лиловымъ поясомъ; закрыты очи, опрятаны волосы, лицо покрыто чистымъ платомъ, въ лѣвую руку даны четки; при надѣваніи все окроплялось святою водою; затѣмъ тѣло было положено на деку и покрыто архіерейской мантіей. Когда все было готово, призваны были келейные, изъ которыхъ одинъ взялъ свѣчу, горѣвшую при копчинѣ, другой—келейную икону Богоматери, іеромонахи, преосвященный, о. намѣстникъ подняли деку и въ преднесеніи свѣчи и иконы понесли тѣло въ крестовую церковь; въ дверяхъ церкви тѣло было встрѣчено тремя іеромонахами въ облаченіи, изъ которыхъ одинъ держалъ крестъ на блюдѣ, 2 діакона съ кадилами и 2 иподіакона съ дикиріемъ и трикиріемъ, 3 мальчика съ примикиріемъ, крестомъ и посохомъ; хоръ запѣлъ входное „Достойно"; по срединѣ церкви было уготовано кресло и орлецъ, на которое было опущено тѣло; затѣмъ перводіаконъ сталъ возглашать положенные на облаченіе стихи, хоръ пѣлъ концертъ „Да возрадуется душа

твоя о Господѣ", а въ это время на почившаго возлагались бѣлый шелковый подризникъ, шитый шелками юбилейный даръ игумены Чигиринскаго монастыря Антонiи, епитрахиль, поясъ, поручи, палица, саккосъ, бѣлые муаръ-антикъ, набивные золотомъ и голубой муаръ-антикъ омофоръ также набивной золотомъ, принесенные Владыкѣ въ даръ игуменьей Воскресенскаго въ С.-Петербургѣ монастыря Валентиною, крестъ и двѣ панагiи, митра съ крестомъ серебряной граши, шитая золотомъ — юбилейный даръ игумены Кiево-Флоровскаго монастыря Евпраксiи. По окончанiи облаченiя перводiаконъ возгласилъ: „Тако да просвѣтится свѣтъ твой", иподiаконы съ дикiремъ и трикiремъ стали по бокамъ тѣла, а пѣвчiе пропѣли трижды „вѣчная память", потомъ тѣло было поднято и возложено на уготованный столъ и покрыто архiерейской мантiей; въ лѣвую руку вложено малое евангелiе въ сребропозлащенномъ окладѣ, а въ правую руку напрестольный крестъ сребро-позлащенный съ эмалевыми украшенiями, подъ ноги подложенъ орлецъ; а на лицо былъ возложенъ четвероугольный бѣлый, глазетовый, шитый золотомъ воздухъ, употреблявшiйся для покровенiя потира со Св. Дарами. Тотчасъ преосвященнымъ Сильвестромъ въ сослуженiи намѣстника Лавры и братiи Голосѣевой пустыни была совершена панихида, послѣ которой перводiаконъ возгласилъ „и оподобится намъ слышанiю св. Евангелiя", а преосвященный Сергiй началъ чтенiе съ 10 гл. ев. Iоанна, зач. 35 отъ „полу" и зачало 36, которыя читаются на праздникахъ въ честь святителей; чтенiе евангелiя продолжилъ о. намѣстникъ Лавры, а затѣмъ оно безпрерывно продолжалось iеромонахами Голосѣевой пустыни.

Немедленно были посланы телеграммы митрополиту Петербургскому, оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода, его товарищу, митрополиту Московскому, Грузино-Имеретинской конторѣ Святѣйшаго Синода, архiепископамъ Волынскому и Херсонскому, епископамъ Нижегородскому, Саратовскому, Могилевскому, Тульскому и Кишиневскому.

Въ 7 часовъ вечера у гроба почившаго было совершена панихида преосвященнымъ Димитрiемъ епископомъ Чигиринскимъ.

Вечеромъ у о. намѣстника Лавры собрались всѣ преосвященные викаріи, губернаторъ и благочинные г. Кіева для совѣщанія о времени перенесенія тѣла въ Кіевъ. Причемъ было рѣшено быть перенесенію въ пятницу утромъ, также былъ составленъ порядокъ перенесенія и назначены часы для совершенія панихидъ и сдѣланы другія необходимыя распоряженія.

Согласно установленному такимъ образомъ порядку въ четвергъ въ 2 часа панихиду въ Голосѣевской крестовой церкви совершилъ преосвященный Сильвестръ, епископъ Каневскій, а въ 7 часовъ вечера преосвященнымъ Сергіемъ, епископомъ Уманскимъ, тѣло было положено во гробъ. Гробъ былъ изготовленъ изъ кипарису, не полированный, низъ гроба былъ устланъ кипарисными стружками, которыя были покрыты мягкой бѣлой шелковой матеріей. Въ свое время гробъ былъ поставленъ рядомъ съ столомъ, на которомъ возлежало тѣло почившаго, такъ что края гроба касались доски стола. Ровно въ 7 часовъ о. намѣстникъ Лавры, начальникъ Кіев. подворья въ Петербургѣ арх. Ѳеогностъ и іеромонахи Голосѣевской пустыни, во главѣ съ преосвященнымъ Сергіемъ, вышли на средину храма; преосвященный окадилъ вокругъ тѣло и гробъ, посыпалъ гробъ крестообразно толченымъ ладономъ, окропилъ его трижды святою водой со словами: „освящается гробъ сей благодатію Всесвятаго Духа, окропленіемъ воды сея священныя во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь“. Затѣмъ внутрь гроба подъ ноги былъ постланъ бархатный ковликъ съ изображеніемъ орлеца даръ московскихъ почитателей; священнослужители, немного приподнявъ тѣло, опустили его во гробъ, при чемъ ножки и тѣло до рукъ было покрыто также привезеннымъ изъ Москвы шитымъ покровцемъ, а надъ всѣмъ тѣломъ былъ распростертъ тонкій шелковый платъ, и гробъ снова былъ покрытъ архіерейскою мантіей. Началась литія, по окончаніи которой, при пѣніи ирмосовъ Великаго Канона, гробъ съ тѣломъ былъ перенесенъ въ Покровскую соборную церковь Голосѣевской пустыни. Здѣсь была совершена панихида, за которою присутствовали прибывшій изъ С.-Пе-

тербурга товарищъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода В. К. Саблеръ, кіевскій губернаторъ съ супругой и многіе военные и гражданскіе чины.

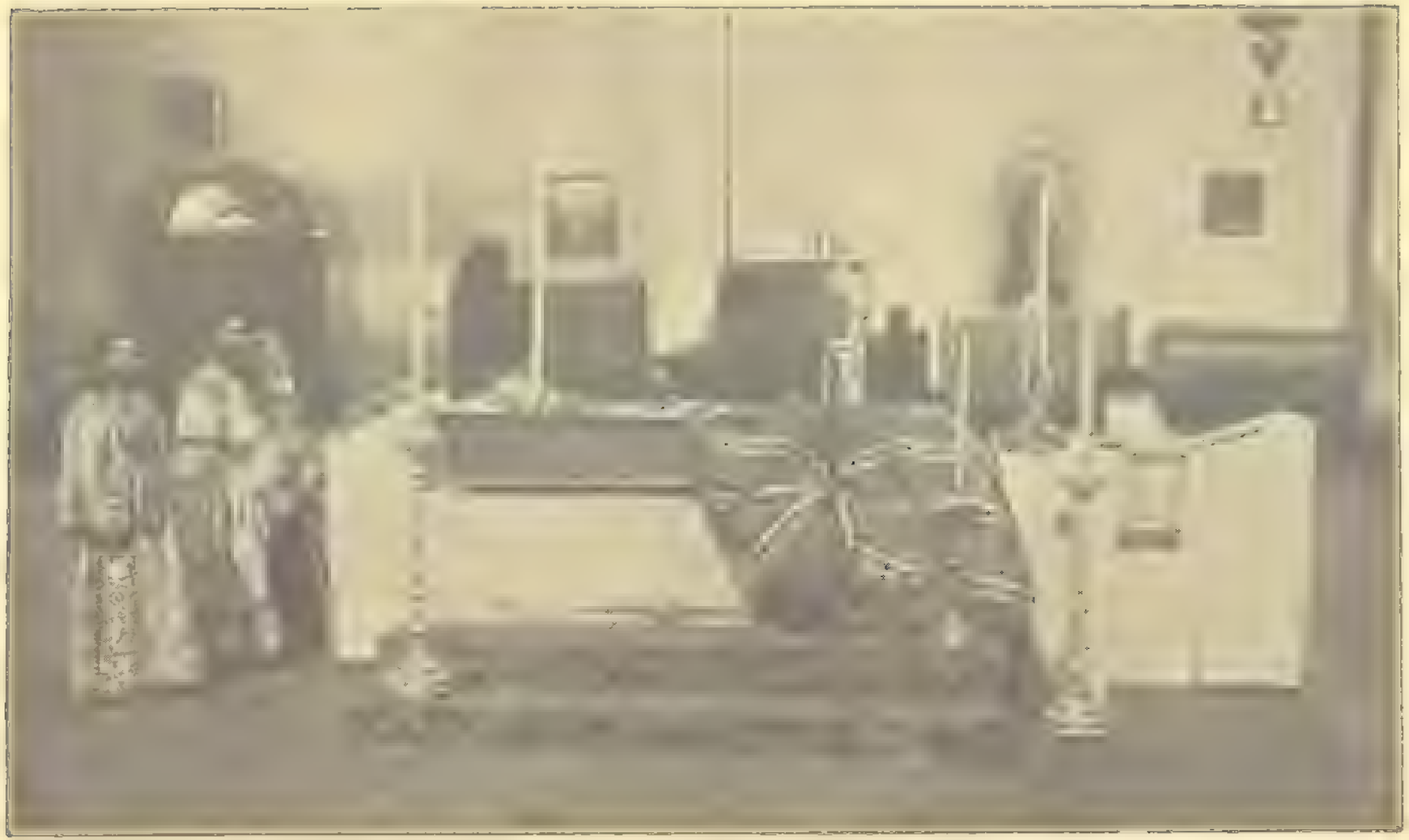
Въ пятницу въ $7^1/_2$ час. утра преосвященнымъ Сильвестромъ, епископомъ Каневскимъ, была совершена въ Покровской церкви Голосѣевой пустыни заупокойная литургія въ сослуженіи архимандритовъ: Ѳеогноста, начальника Кіевскаго подворья въ С.-Петербургѣ и Іоаникія, начальника Китаевской пустыни. По окончаніи литургіи была совершена литія, на которую вышли всѣ три преосвященные викаріи и о. намѣстникъ Лавры. По окончаніи литіи гробъ съ останками почившаго Владыки былъ изнесенъ священнослужителями изъ храма и поставленъ на катафалкъ. Шествіе изъ Голосѣевской пустыни направилось слѣдующимъ порядкомъ: фонарь, крестъ, хоругви изъ всѣхъ церквей Голосѣевской, Преображенской и Китаевской пустынь; клирошане всѣхъ трехъ пустынь; іеродіаконы, іеромонахи попарно; о. намѣстникъ Лавры, преосвященный Димитрій и преосвященный Сергій викаріи кіевскіе; мальчикъ съ кадиломъ, мальчикъ съ предносимымъ крестомъ, келейникъ съ келейною иконою, мальчикъ съ посохомъ, іеродіаконъ съ блюдомъ, на которомъ малый омофоръ, бѣлый клобукъ и четки; два іеродіакона съ дикиріемъ и трикиріемъ, катафалкъ съ гробомъ, покрытый крышкою и архіерейскою мантіей; по угламъ 4 діакона со свѣчами, а по бокамъ два діакона съ рипидами, У вратъ пустыни совершена литія. Затѣмъ лѣсъ Голосѣевскій огласился могучимъ пѣніемъ ирмосовъ Великаго Канона лаврскаго великоцерковнаго роспѣва.

Наканунѣ вечеромъ неоднократно шелъ проливной дождь, накрапывалъ дождь и во время литургіи, но во время шествія неоднократно свѣтило солнце и вообще погода была мягкая, пріятная. Изъ Голосѣевскаго лѣса шествіе направилось мимо лысогорскаго форта и саперныхъ лагерей къ лаврскому пещерному училищу, мимо Введенской Общины и Ѳеодосіевской церкви къ лаврскимъ святымъ вратамъ. У пещернаго училища крышка съ гроба была снята и несена 4 іеродіаконами, гробъ былъ покрытъ дорогимъ золотымъ

покровомъ, поставленъ на носилки и несенъ на рукахъ священнослужителей г. Кіева, которые здѣсь у пещернаго училища встрѣтили почившаго своего архипастыря соборомъ многимъ зѣло съ хоругвями и съ хоромъ пѣвчихъ каѳедральнаго собора; литіи были совершены преосвященнымъ Сергіемъ у церкви Введенской Общины и преосвященнымъ Димитріемъ у Ѳеодосіевской церкви; въ саперномъ лагерѣ шествіе было встрѣчено войсками съ хоромъ военной музыки, игравшимъ „Коль славенъ".

Весь путь за гробомъ слѣдовали товарищъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода В. К. Саблеръ, губернаторъ Ѳ. Ѳ. Треповъ, городской голова С. М. Сольскій, многіе военные, гражданскіе чины и представители отъ города и разныхъ его учрежденій и множество народа, который все болѣе и болѣе прибывалъ по мѣрѣ приближенія къ городу. Предъ святыми вратами Лавры гробъ встрѣтили ученики и ученицы церковно-приходскихъ школъ, усыпавшіе путь живыми цвѣтами, воспитанники Семинаріи и духовныхъ училищъ, воспитанницы епархіальныхъ училищъ и студенты духовной Академіи. Въ самыхъ вратахъ Лавры гробъ встрѣтилъ и совершилъ литію преосвященный Іустинъ, архіепископъ Херсонскій съ преосвященнымъ Сильвестромъ, епископомъ Каневскимъ, о. намѣстникомъ Лавры, архимандритами, братіей Лавры и митрополитанскимъ лаврскимъ хоромъ. По окончаніи литіи гробъ былъ внесенъ въ Лавру, причемъ отъ вступленія шествія въ городъ по знаку лаврской колокольни производился звонъ со всѣхъ колоколенъ соборовъ, монастырей и церквей г. Кіева до самого внесенія тѣла въ лаврскій трапезный храмъ, гдѣ оно было встрѣчено пѣніемъ задостойника Великой Субботы „Не рыдай мене мати зрящи во гробѣ". Шествіе тронулось изъ Голосѣевской пустыни въ 10 часовъ утра, а тѣло внесено было въ трапезную церковь въ $3^1/_2$ часа по полудни.

По срединѣ трапезнаго лаврскаго храма былъ устроенъ катафалкъ, обтянутый бѣлой блестящей парчей съ возвышеніемъ въ двѣ ступени, обитыя свѣтлымъ бархатнымъ ковромъ, на этотъ катафалкъ и былъ поставленъ кипарисный



гробъ съ останками почившаго Владыки. Гробъ былъ покрытъ дорогимъ золотымъ покровомъ, а поверхъ покрова архіерейскою мантіей; по угламъ поставлены четыре подсвѣчника; надъ срединою гроба устроены двѣ рипиды, на крестъ пересѣкающія другъ-друга; на правомъ восточномъ углу катафалка утверждепъ предносный крестъ, а на лѣвомъ архіерейскій посохъ съ сулкомъ, па восточной же сторонѣ гроба устроепъ возвышенный столикъ, па которомъ поставлены дикирій и трикирій, блюдо съ малымъ омофоромъ, клобукомъ и четками, далѣе аналой, а па немъ келлейная икона Богоматери, въ головахъ также аналой и на немъ раскрытое Евангеліе. Когда все было приведено въ порядокъ, тотчасъ началась панихида при пѣніи клиросанъ Лавры, которую совершали Іустинъ, архіепископъ Одесскій, Сильвестръ, епископъ Каневскій и Димитрій, епископъ Чигиринскій.

Въ 4 ч. 50 м. прибылъ въ Кіевъ, назначенный Св. Сѵподомъ для совершенія погребенія почившаго Владыки, высокопреосвященный Владиміръ, митрополитъ Московскій и Коломенскій. Встрѣченный на вокзалѣ преосвященнымъ Сергіемъ, епископомъ Уманскимъ, Кіевскимъ губернаторомъ, городскимъ головою, и. д. командующаго войсками, комендантомъ крѣпости, благочинными г. Кіева, членами и секретаремъ Консистіри, Владыка прослѣдовалъ въ Лавру, прямо въ трапезную церковь. Здѣсь Владыка былъ встрѣченъ преосвященнымъ Димитріемъ, епископомъ Чигиринскимъ и приложившись къ иконѣ Божіей Матери, къ главѣ Князя Владиміра, къ Мощамъ святителя Михаила и къ частицамъ Мощей Преподобныхъ Печерскихъ, совершилъ панихиду. По окончаніи, панихиды высокопреосвященный митрополитъ прослѣдовалъ въ приготовленныя для него келліи, въ которыхъ былъ встрѣченъ преосвященнымъ Сильвестромъ, еп. Каневскимъ.

Въ 7 ч. вечера въ трапезной лаврской церкви преосвященнымъ Сергіемъ, еп. Уманскимъ, при пѣніи лаврскихъ клиросанъ, была совершена торжественная заупокойная всепощпая, кончившаяся въ $11^1/_2$ ч. За всепощною были

пѣты ирмосы „Волною морскою“, а преосвященный читалъ канонъ священническаго погребенія. За всенощной присутствовали высокопреосвященный митрополитъ Московскій и архіепископъ Херсонскій, а также В. К. Саблеръ и начальникъ губерніи съ супругой.

Въ субботу въ 9 ч. утра въ трапезной лаврской церкви была совершена литургія преосвященнымъ Сергіемъ, епископомъ Уманскимъ. Въ свое время священникомъ Н. Стеллецкимъ было произнесено слово. За литургіею присутствовали высокопреосвященный митрополитъ Московскій, архіепископъ Волынскій Модестъ, Іустинъ, архіепископъ Одесскій, Іаковъ, епископъ Кишиневскій, Іоакимъ, епископъ Гродненскій, Сильвестръ, епископъ Каневскій и Димитрій, епископъ Чигиринскій. По окончаніи литургіи всѣми преосвященными была совершена панихида. За богослуженіемъ присутствовали В. К. Саблеръ, начальникъ губерніи и многіе военные и гражданскіе чины.

Въ тотъ же день въ $4^1/_2$ ч. въ лаврской трапезной церкви была совершена Великая воскресная вечерня и повечеріе съ гласовымъ богородичнымъ канономъ. По окончаніи повечерія панихиду совершалъ преосвященный Іоакимъ, епископъ Гродненскій.

Въ воскресеніе въ 12 ч. ночи въ трапезной церкви была совершена воскресная полунощница съ пѣніемъ тропчнаго канона и воскресная утреня, а въ 8 ч. утра раздался благовѣстъ къ литургіи, которую въ трапезной церкви совершалъ высокопреосвященный митрополитъ Московскій, архіепископы Житомирскій и Херсонскій, епископы Кишиневскій, Гродненскій, Каневскій и Чигиринскій, намѣстникъ Лавры, а. Антоній, ректоръ Кіевской Семинаріи, а. Константинъ, ректоръ Тульской Семинаріи, Кіевскій каѳедральный протоіерей, начальникъ Кіевскаго подворья въ Петербургѣ, а. Ѳеогностъ, настоятель Выдубицкаго монастыря, а. Евлогій, Тульскій каѳедральный протоіерей (товарищъ почившаго) и начальникъ лаврской типографіи іеромонахъ Назарій. Во время причастнаго стиха слово произносилъ инспекторъ Академіи архимандритъ Платонъ; литургію пѣли Софій-

скій каѳедральный хоръ и лаврскій митрополитанскій хоръ. По окончаніи литургіи высокопреосвященный митрополитъ Московскій произнесъ живое, назидательное и задушевное слово, въ которомъ, изобразивъ библейское повѣствованіе о предсмертномъ прощаніи патріарха Іакова со своими дѣтьми, далъ отъ лица почившаго іерарха наставленіе пастырямъ и пасомымъ, и при этомъ оживилъ предъ предстоящими въ храмѣ высокій образъ почившаго архипастыря, твердо державшагося св. православія и преданія церковнаго, съ возвышенной грустью высказавъ ту мысль, что какъ въ лицѣ Іакова отходила въ вѣчность эпоха библейскихъ патріарховъ, такъ и въ лицѣ почившаго Первосвятителя Русской церкви отходитъ отъ насъ высокій образъ архипастыря, связанный живыми узами съ тѣми, уже отшедшими святителями, которыми она сіяла отъ лѣтъ древнихъ.

Отпѣваніе совершали тѣ же семь іерарховъ. Участіе въ пѣніи приняли еще и клирошане, которые пѣли лаврскимъ роспѣвомъ „Покой, Спасе“, антифоны 6 гласа, тропари „Помилуй насъ, Господи“ и стихиры съ капонархомъ. Въ чинѣ отпѣванія 17-я кафизма, сѣдальны, ікосы и прочее-все было читано преосвященнымъ Сергіемъ, епископомъ Уманскимъ и іеродіакономъ Харламміемъ. „Аллилуіа“ на ікосахъ пріѣвалъ весь соборъ священно-служителей. Послѣ 5-го Евангелія произнесъ рѣчь профессоръ Академіи В. Ѳ. Нѣвницкій. Послѣ послѣдней ектеніи преосвященный Сергій подалъ Владыкѣ митрополиту разрѣшительную молитву, которую Владыка прочиталъ, а преосвященный вложилъ въ руки почившаго. Началось прощаніе. Послѣ послѣдней сугубой ектеніи Владыка митрополитъ подошелъ ко гробу, преосвященный Сергій покрылъ почившаго шелковымъ платомъ, а архимандриты сняли мантію и золотой покровъ. Владыка принялъ сосудъ съ елеемъ, оставшимся отъ таинства Елеосвященія и, возливъ его крестообразно на почившаго, произнесъ тропарь: „Образомъ креста Твоего, человѣколюбче“; затѣмъ, принявъ землю и посыпавъ ею крестообразно почившаго, произнесъ „Господня земля, исполненіе ея вселенная и вси живущіе на ней“. Протодіаконъ возгласилъ „премуд-

рость". Владыкѣ подали дикирій и трикирій, стоявшіе у гроба почившаго и онъ сдѣлалъ „отпустъ", угасивъ надъ гробомъ эти свѣтильники почившаго, и, какъ угасли эти свѣтильники, такъ угасло и земное свѣтеніе почившаго. Тѣло покрыто гробовою крышкою; гробъ перевязанъ бѣлымъ шелковымъ шнуромъ и запечатанъ лаврскою печатью съ изображеніемъ св. лаврскихъ Пещеръ. Во все время отпѣванія со всѣхъ церквей г. Кіева раздавался печальный перезвонъ. Къ концу отпѣванія собралось все Кіевское духовенство и расположилось попарно по направленію къ св. вратамъ Лавры, а духовенство, участвовавшее въ отпѣваніи, поднявъ гробъ, въ предшествіи 8 архіереевъ, обнесло его вокругъ Великой лаврской церкви, а за тѣмъ шествіе направилось обычнымъ порядкомъ чрезъ св. врата къ Воздвиженской церкви Ближнихъ Пещеръ. Въ это время производился звонъ со всѣхъ колоколенъ г. Кіева. Когда гробъ былъ внесенъ въ ограду Пещеръ и былъ уже 4-й часъ дня, пѣвчіе огласили воздухъ пѣніемъ вечерней пѣсни „Свѣте тихій". Гробъ былъ внесенъ въ Воздвиженскую церковь, опущенъ на полотнахъ въ земныя нѣдра и поставленъ въ склепѣ рядомъ съ гробомъ митрополита Арсенія, на лѣвой сторонѣ храма, подъ самымъ иконостасомъ, въ которомъ находится чудотворная Казанская икона Богоматери, у самаго входа въ Ближнія Пещеры.

Тѣло почившаго, претерпѣвъ нужное человѣкомъ измѣненіе, не издавало никакого запаха.

Въ половинѣ пятаго часа была предложена заупокойная трапеза, въ концѣ которой была совершена литія.

Когда всѣ встали изъ за столовъ, по порученію преосвященнаго Сильвестра, преосвященный Сергій высказалъ благодарность всѣмъ архипастырямъ, прибывшимъ помолиться объ упокоеніи души почившаго Первосвятителя Кіевскаго, проводить его останки на мѣсто вѣчнаго упокоенія и раздѣлить скорбь Кіевской паствы, лишившейся своего архипастыря, и Лавры Печерской, которую оставилъ ея священно-архимандритъ.

12-е іюня былъ день знаменательный въ жизни почившаго Владыки: въ этотъ день исполнилось 39 лѣтъ его архіерейскаго служенія; посему въ трапезной лаврской церкви заупокойную литургію совершалъ преосвященный Модестъ, архіепископъ Волынскій, а на мѣстѣ упокоенія въ Крестовоздвиженской церкви еп. Чигиринскій Димитрій.

14-го числа въ Крестовоздвиженской церкви заупокойную литургію и панихиду совершалъ преосвященный Іаковъ, епископъ Кишиневскій.

Въ девятый день 15-го іюня (память святителя Михаила перваго митрополита Кіевскаго) панихиду, литургію и молебенъ въ трапезной лаврской церкви совершалъ преосвященный Сильвестръ епископъ Каневскій, а въ Крестовоздвиженской церкви преосвященный Сергій епископъ Уманскій, гдѣ молилась объ упокоеніи брата-архипастыря сестра почившаго Владыки восьмидесяти-лѣтняя старица Д. М. Покровская и другіе родственники.

Въ двадцатый день заупокойное служеніе преосвященнымъ Сильвестромъ было совершено въ каѳедральномъ соборѣ, а въ Крестовоздвиженской церкви о. намѣстникомъ Лавры съ братіей.

Въ 40-й день въ Крестовоздвиженской церкви Ближнихъ Пещеръ, на мѣстѣ упокоенія въ Возѣ почившаго Архипастыря, литургію и панихиду совершалъ преосвященный Сильвестръ епископъ Каневскій. По окончаніи литургіи въ лаврской трапезной церкви на всемъ погостѣ Лавры были накрыты столы для народа; на площадку между Великой церковью и трапезной вышелъ преосвященный Сергій епископъ Уманскій съ 24 сослужащими архимандритами, игуменами, протоіереями, іеромонахами и священниками и совершилъ панихиду при пѣніи клиросами Великой церкви. За этою панихидою объ упокоеніи души Перво-іерарха русской церкви всенародно молилась вся Россія, ибо между молящимися были не только кіевляне, но и богомольцы, пришедшіе на поклоненіе святынѣ кіевской со всѣхъ концовъ Россіи. По окончаніи панихиды преосвященный сказалъ краткую рѣчь въ память почившаго, затѣмъ діаконъ прочиталъ

„Отче нашъ“, а преосвященный богословилъ народу поминальную трапезу. Во время панихиды раздавался съ лаврской колокольни обычный лаврскій панихидный перезвонъ.

По окончаніи богослуженія въ Крестовоздвиженской церкви была предложена поминальная трапеза для духовенства и почетныхъ гостей.

Такъ произошла кончина и совершилось погребеніе и сорокадневное поминовеніе въ городѣ Кіевѣ въ Бозѣ почившаго архипастыря.

Но не одинъ Кіевъ опечаленъ кончиною архипастыря: Самъ Государь Императоръ на всеподданнѣйшемъ докладѣ оберъ-прокурора Св. Синода о кончинѣ преосвященнаго митрополита Кіевскаго Іоанникія, начертавъ собственноручно „искренно сожалѣю“, выразилъ свою царственную печаль о почившемъ.

Восточные патріархи выразили свое соболѣзнованіе православной Русской церкви нижеслѣдующими телеграммами:

I. Отъ Блаженнѣйшаго Константина, патріарха Константинопольскаго:

„Сердечно соболѣзнуя по поводу кончины приснопамятнаго митрополита Кіевскаго Іоанникія первенствующаго члена Святѣйшаго Синода, молимся вмѣстѣ съ Синодомъ объ упокоеніи его души“.

II. Отъ Блаженнѣйшаго Даміана патріарха Іерусалимскаго:

„Глубоко соболѣзнуя по случаю кончины блаженнѣйшаго митрополита Кіевскаго Іоанникія, молимъ Господа Бога, да возставитъ онъ на благо святой Россійской церкви достойнѣйшаго преемника-первосвятителя“.

Св. Синодъ въ лицѣ новаго первенствующаго его члена высокопреосвященнаго митрополита Антонія выразилъ свое соболѣзнованіе слѣдующей телеграммой:

„Глубоко скорблю о почившемъ. Великую потерю понесла въ немъ Русская церковь. Вѣчная память великому святителю. Молюсь о упокоеніи души его. На погребеніе назначается Синодомъ митрополитъ Московскій“.

И высокопреосвященный митрополитъ Московскій Владиміръ, съ свойственнымъ ему усердіемъ, утѣшилъ всѣхъ плакавшихъ и болѣзновавшихъ и чаявшихъ Христова утѣшенія совершеніемъ продолжительныхъ богослуженій и назидательнымъ властнымъ словомъ. А какъ представитель первопрестольной столицы Москвы Владыка митрополитъ Владиміръ сообщилъ, что и Москва искренно соболѣзуетъ Кіеву и опечалена кончиною почившаго Владыки, ибо во время 1-й панихиды, совершенной Владыкою митрополитомъ Владиміромъ въ церкви Московскаго Троицкаго подворья, предстоящіе въ храмѣ усердно молились и горько плакали.

Московскій городской голова князь Голицынъ телеграфировалъ на имя преосвященнаго Сильвестра, епископа Каневскаго:

„Москва, благоговѣйно памятуя архипастырское плодотворное служеніе почившаго Владыки, глубоко соболѣзуетъ объ утратѣ, постигшей Кіевскую митрополію“.

Игумена Московскаго Алексѣевскаго монастыря Сергія телеграфировала преосвященному Сергію епископу Уманскому:

„Соскорблю вамъ всѣмъ сердцемъ. Потеря великая“.

Безъ сомнѣнія усердно молились по полученіи извѣстій о кончинѣ почившаго іерарха всѣ тѣ епархіи, гдѣ проходило его святительское служеніе. Такъ, есть извѣстіе изъ г, Починокъ, Нижегородск. губ., что тамъ по телеграфному распоряженію преосвященнаго Нижегородскаго Владиміра молились объ упокоеніи души усопшаго іерарха уже 8 іюня, т. е. прежде всякихъ газетныхъ извѣстій.

Безъ сомнѣнія усердно молились объ упокоеніи души усопшаго іерарха и всѣ іерархи русской церкви и глубоко почувствовали ту великую утрату, которую они понесли въ лицѣ почившаго ихъ руководителя, наставника и твердаго защитника. Преосвященный архіепископъ Ярославскій выразилъ свою печаль о понесенной имъ утратѣ въ глубоко прочувствованномъ и скорбномъ письмѣ на имя преосвященнаго Уманскаго; на его-же имя телеграфировалъ преосвященный Самарскій Гурій:

„Глубоко скорблю о кончинѣ первосвятителя и молитвенно преклоняюсь предъ его священными останками".

„Вмѣстѣ со всею Русскою церковью возношмъ молитвы о блаженномъ упокоеніи святителя-ревнителя вѣры" телеграфировалъ Антоній епископъ Чистопольскій. Сыновнюю глубокую скорбь выразилъ въ своей телеграммѣ преосвященный Михаилъ, епископъ Ковенскій, а родная почившему Владыкѣ епархія Тульская прислала пролить слезы у гроба почившаго ея славнаго уроженца—ректора семинаріи архимандрита Ѳеодосія и каѳедральнаго протоіерея товарища по академіи почившаго Владыки.

Почти 6 лѣтъ почившій Владыка святительствовалъ въ Кіевской епархіи при управленіи краемъ графомъ А. П. Игнатьевымъ. Отношенія архипастыря и начальника края не оставляли желать ничего лучшаго. Почившій Владыка, очень осторожный въ выраженіи похвалъ и своихъ чувствъ, узнавши объ оставленіи гр. Игнатьевымъ должности генералъ-губернатора сказалъ: „жаль, кто-бы ни былъ генералъ-губернаторомъ, но такого уже не будетъ", и графъ взаимно любилъ и уважалъ почившаго и выразилъ свое соболѣзнованіе на имя преосвященнаго Сильвестра епископа Каневскаго въ слѣдующихъ словахъ: „глубоко потрясенъ кончиною высокочтимаго и любимаго архипастыря, душею молитвенно неразлученъ съ осиротѣвшею паствой Кіевской".

Глубокая почитательница почившаго Владыки, Е. П. Демидова княгиня Сань-Донато телеграфировала на имя преосвященнаго Уманскаго: „съ вами душею, сердцемъ и молитвою о незабвенномъ Владыкѣ".

Особенною искренностью и задушевностью звучатъ слова „Церковныхъ Вѣдомостей", возвѣстившія церквамъ всей Россіи о кончинѣ ея первосвятителя:

„Такъ, среди свѣтлыхъ дней разцвѣтающаго лѣта, въ тихой уединенной обители, какъ слѣпый огонь въ лампадѣ предъ святою иконою, погасла жизнь первосвятителя Россійской церкви, отъ дѣтскихъ пеленъ до гробовой доски всецѣло отданная на служеніе Богу и ближнимъ, преисполненная свѣтлыхъ и свѣтоносныхъ проявленій глубокаго

ума и вѣковѣчныхъ великихъ дѣлъ милосердія. Господу угодно было, незадолго до кончины приснопамятнаго святителя, явить міру охраняемыя смиреніемъ великія сокровища его духа и подвиги любви—въ его свѣтломъ юбилейномъ торжествѣ. Такъ живо еще въ мысляхъ нашихъ общее искреннѣйшее воодушевленіе, съ которымъ совершилось это рѣдкое церковное торжество. Можно сказать еще благоухаютъ вѣнки, которые со всѣхъ сторонъ необъятной Россіи были сплетены лицами всѣхъ званій и состояній на главу самоотверженнаго подвижника вѣры и любви. Это—особенная, великая милость Пастыреначальника Христа добрѣ потрудившемуся первоіерарху и въ немъ всей нашей Россійской церкви. Да упокоитъ его Господь, да воздастъ ему Своею великою и богатою милостію за его цѣложизненный великій трудъ, за всѣ дѣла его милости и за всѣ благія желанія его сердца, до послѣдняго вздоха горѣвшаго любовію къ Богу и ближнему, и да даруетъ намъ въ почившемъ святителѣ благоугоднаго Ему молитвенника и предстателя за православную церковь Россійскую и за всѣхъ насъ—ея служителей и чадъ! Вѣчная и достословная да будетъ ему память"! (Ц. В. 1900 г. № 24).

„Поминайте, пастыри и пасомые, наставника вашего, который проповѣдывалъ вамъ Слово Божіе и, взирая на кончину его жизни, подражайте вѣрѣ его" (Евр. XIII; 7). Сравнительно немного осталось проповѣдническихъ трудовъ за 50 лѣтній періодъ священнослуженія отъ почившаго іерарха, но за то всѣ эти 50 лѣтъ были непрестанною проповѣдью самою жизнью и точнымъ исполненіемъ Слова Божія, ибо почившій, дорожа пребывающимъ въ немъ дарованіемъ, которое дано ему было съ возложеніемъ рукъ священства, постоянно вникалъ въ себя и въ ученіе (1 Тим. IV. 14—16).

Помня наставленіе, что въ храмѣ все должно быть благопристойно и чинно (1 Кор. XIV; 40.), почившій Владыка въ священнослуженіи и молитвѣ былъ сосредоточенъ, тихъ и миренъ, всегда наблюдая строго уставъ церковный, но вмѣстѣ съ тѣмъ, никогда не переходя границъ въ томъ от-

ношеніи, когда внѣшнее начинаетъ посягать на внутреннее, духовное. Простотою и искренностью дышало его уставное и величественное богослуженіе, которое „безъ его сознательнаго старанія, даже безъ его вѣдома не могло не дѣйствовать благотворно на присутствующихъ въ храмѣ. Какъ стремится лань къ потокамъ воды, такъ стремилась его душа къ Богу: когда прійдетъ и явится предъ лице Божіе“. (Пс. 41).

На всѣхъ мѣстахъ своего служенія почившій Владыка, вразумляя безчинныхъ, утѣшая малодушныхъ, поддерживая слабыхъ, былъ долготерпѣливъ ко всѣмъ (1 Сол. V. 14). Такое дѣйствованіе исходило изъ мирно настроенной его души, проникнутой, какъ бы напоенной, какъ губа, Священнымъ Писаніемъ, текстъ и отеческое толкованіе котораго онъ зналъ въ совершенствѣ. Такая настроенность души и такое знаніе Священнаго Писанія и отеческихъ твореній сдѣлали его человѣкомъ цѣльнымъ, котораго слово не расходилось съ дѣломъ и слову котораго можно было вѣрить безусловно. Когда мы слышали изъ устъ почившаго Владыки какое либо наставленіе, то всегда были увѣрены, что на каждое изъ этихъ наставленій прежде всего онъ самъ, „исполненіемъ дѣла отвѣщаваетъ“; если онъ кого либо поучалъ быть кроткимъ, то поучаемый зналъ, что самъ учитель льна курящагося не угасилъ и трости надломленной не переломилъ; если онъ училъ, что блаженны алчущіе и жаждущіе правды, что блаженны милостивіи, то поучаемый зналъ, что въ самомъ учителѣ милость и истина срѣтостѣся, правда и миръ облобызастася (пс. 84-й); если онъ поучалъ, что блаженны чистые сердцемъ, то поучаемый могъ быть увѣренъ, что поучающій легкомысленно не поступалъ, не предпринималъ ничего по плоти, такъ чтобы у него было то „да-да“, то „нѣтъ-нѣтъ“, что слово его не было то „да“, то „нѣтъ“ (2 Корин. I. 17—18), если почившій поучалъ: „ты злопостражди, яко добрый воинъ Христовъ“ (2 Тим. II гл. 3), то поучаемый уже зналъ, что самъ поучающій самого себя предалъ въ волю Божію, что онъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что отъ Господа стопы человѣка исправляются, что воздержаніе и терпѣніе есть удѣлъ самого учителя, который вку-

шалъ ли пищу, или утолялъ жажду, или иное что дѣлалъ— все дѣлалъ во славу Божію (1 Кор. X. 31.).

Почившій первосвятитель, занимая столь высокое въ Церкви положеніе, старца не укорялъ, но увѣщевалъ, какъ отца, а младшихъ, какъ братьевъ; достойно начальствующимъ пресвитерамъ оказывалъ сугубую честь, особенно тѣмъ, которые трудились въ словѣ и ученіи, и обвиненіе на пресвитера не иначе принималъ, какъ при 2-хъ или 3-хъ свидѣтеляхъ (1 Тим. V; 1, 17, 19.). И мы уповаемъ, что, поступая такимъ образомъ, блаженно почившій Архипастырь нашъ создавалъ спасеніе и для себя и для слушавшихъ его, ибо успѣхъ его для всѣхъ былъ очевиденъ (1 Тим. IV; 15. 16.).

Вѣчная твоя память, достоблаженный Архипастырь нашъ! „Во царствіи Своемъ да помянетъ тебя Господь“! (Изъ рѣчи Сергія, епископа Уманскаго).

Надъ самою могилою Владыки не будетъ устроено никакого надгробія, ибо почившій не любилъ, когда въ храмѣ, какъ онъ выражался, мертвые отнимаютъ мѣсто у живыхъ, но противъ мѣста его упокоенія въ стѣну будетъ врѣзанъ изящный изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ крестъ, въ которомъ будутъ помѣщаться иконы Господа Вседержителя, Божіей Матери, Святителя Николая и 4-хъ Святителей Московскихъ, а въ срединѣ икона, на которой въ изображеніи праздниковъ и святыхъ изложена вся исторія служенія почившаго Православной Русской церкви. Предъ крестомъ будетъ устроена драгоцѣнная лампада даръ глубокой почитательницы почившаго Княгини Черкасской, которая, препровождая свой даръ почившему, писала: „если вамъ, какъ монаху, не нужно мое вещественное усердіе, то можетъ быть оно будетъ не лишнимъ, какъ снисхожденіе ко мнѣ старому и больному существу, которому осталось не много утѣшенія на землѣ“, а своимъ присным княгиня высказала желаніе, чтобы эта лампада, когда Владыка скончается, теплилась надъ его могилою, и это благочестивое желаніе исполняется.

СЛОВО

въ день погребенія Высокопреосвященнѣйшаго Іоанникія, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго, произнесенное о. Инспекторомъ духовной академіи, Архимандритомъ Платономъ передъ погребеніемъ на литургіи.

„Чаю жизни будущаго вѣка".

Возносится безкровная Жертва, а благоговѣйный совершитель служебы Божіей, первосвятитель Русской церкви, безмолвствуетъ,—мы зримъ его безгласна, ибо стоитъ онъ теперь предъ лицемъ Того, Кому здѣсь на землѣ столь долго и столь усердно служилъ.

Рукѣ человѣка не изобразить, уму его не представить того, что переживаетъ теперь нашъ святитель, вступивши туда, куда всегда стремилось его пламенѣвшее любовью сердце. Языкъ нашъ напрасно сталъ бы усиливаться выразить то состояніе, въ какомъ находится душа нашего отца, посвятившаго себя Богу, потрудившагося для Бога и несомнѣнно теперь удостоившагося благодатнаго посѣщенія Того, Кто весь есть сладость и весь желаніе (Пѣсн. II, V, 16) и Кто всегда былъ такимъ для нашего владыки. Мы и не дерзаемъ сдѣлать это. Уповая на то, что и тамъ, какъ и здѣсь, любовь его къ намъ та же, мы позволимъ себѣ благоговѣйною рукою поднять лишь край завѣсы съ той таинственной храмины его, въ которой три четверти вѣка постепенно собиралось и умножалось нетлѣнное сокровище.

Онъ жилъ среди насъ и мы видѣли, какъ въ послѣднее время хладѣла рука его, тускнѣлъ взоръ, изнемогалъ языкъ, но мы видѣли также и то, что и въ немощной плоти до послѣднихъ минутъ своей жизни сохранилъ онъ бодрый духъ, ясный умъ и отзывчивое сердце,—до послѣдней минуты онъ жилъ такъ, какъ жилъ всю свою жизнь.

Какъ же онъ жилъ?

Съ малыхъ лѣтъ своихъ онъ понялъ, что самое лучшее въ жизни не то, что мы въ ней видимъ и чѣмъ она намъ кажется,—онъ понялъ, что міръ этотъ только обѣщаетъ радость, а чаще даетъ одну горечь,—открываетъ широкую дорогу, но это дорога безнадежныхъ блужданій и обмана. онъ уразумѣлъ, что лучшее въ жизни—тотъ истинный духъ, который ее оживляетъ, то будущее, къ которому она приводитъ. Съ малыхъ лѣтъ онъ сталъ готовиться къ той жизни и въ то время, когда открылись предъ нимъ двери здѣшней жизни со всѣми ея радостями, онъ заявляетъ, что „издавна имѣлъ желаніе поступить въ монашеское званіе“ и вступаетъ на узкій путь иночества, путь тернистый, полный духовной брани. Не легко совершился этотъ выборъ между Богомъ и суетнымъ міромъ, не мало пережилъ почившій мрачныхъ часовъ, въ которые воля его колебалась подъ напоромъ мірской сладости, но онъ рѣшилъ выборъ, вступилъ на истинный путь, и подъ руководствомъ опытнаго старца созрѣлъ этотъ юный ратникъ царства Христова и сталъ „тщаніемъ не лѣнивъ, духомъ горя, Господеви работая“ (Рим. XII, 11). Терпѣніемъ, вдумчивостью, борьбою, вѣрою и любовью пріобрѣлъ онъ опытъ христіанской жизни, сущность которой въ самоотреченіи. Онъ опытно постигъ, что надо приносить въ жертву Богу какъ жизнь, такъ и все, что съ нею связано. Ибо кто ограничиваетъ настоящею жизнью всѣ свои желанія, цѣль своей жизни поставляетъ въ удовольствіяхъ, суетномъ богатствѣ и мелочныхъ попеченіяхъ, тотъ все теряетъ въ жизни, равно какъ и самую жизнь (Мѳ. X, 39), тотъ побѣжденъ бываетъ отъ зла, не побѣждая благимъ злое (Рим. XII, 21), такой и не можетъ быть побѣдителемъ, ибо нѣтъ ничего непадежнѣе, какъ это временное и чувственное, обольщающее чувство и обманывающее умъ, увлекающее человѣка для того только, чтобы потомъ придти ему въ себя и съ горькимъ сознаніемъ сказать: „не много сладости вкусилъ я и вотъ долженъ умереть“. И какъ несчастенъ тотъ, кто только у гроба во всей силѣ постигаетъ, что все земное дается намъ на время,

все временное—для вѣчности. И какъ много такихъ, на кого только гробъ можетъ произвести спасительное впечатлѣніе, такихъ, для которыхъ только у гроба начинаетъ разоблачаться тайна жизни здѣшней, вся страшная будущность цѣлой безконечной вѣчности. Есть такіе, много ихъ.

Но какъ счастливъ тотъ, кто всю жизнь свою земную проводитъ въ мысли о той небесной. Все, окружающее его, какъ-бы истончается и умаляется предъ Высшимъ Существомъ, мыслью о Которомъ онъ живетъ, и живетъ онъ жизнью необыкновенною, жизнью изумительною, высокою, ибо живетъ онъ въ Богѣ и съ Богомъ. Любитъ онъ то, что любитъ Богъ, любитъ такъ, какъ любитъ Богъ, хочетъ того, что угодно Богу и хочетъ такъ, какъ Богу угодно. Вотъ то нѣчто, которое столь прочно, что его цѣлымъ и нетронутымъ можно пронести сквозь всѣ здѣшнія превратствія и, благословляя жизнь, сойти съ нимъ въ гробъ, перенестись въ вѣчность. Это нѣчто есть то духовное настроеніе, которое влечетъ человѣка къ блаженной вѣчности, господствуетъ въ немъ надъ всѣмъ, все пронизываетъ собою и все въ немъ одушевляетъ. И какой чудный, отрадный смыслъ получаетъ весь этотъ міръ, вся эта жизнь, въ очахъ человѣка, обладающаго такимъ настроеніемъ. Такой человѣкъ блаженствуетъ уже и здѣсь. Повидимому, если міръ есть то, что онъ есть, если онъ преисполненъ бѣдъ и несчастій, если въ немъ вѣчно находишься подъ страхомъ смерти, то какъ же можно, живя въ немъ, не страдать? А между тѣмъ, жизнь безъ страданій вполнѣ возможна и здѣсь, но возможна она только для тѣхъ, кто живя здѣсь, живетъ мыслью о той жизни. Случится съ такимъ какое-либо горе, постигнетъ его несчастье, духовное настроеніе, въ которомъ онъ живетъ, возбуждаетъ въ немъ скрытую силу, дающую возможность такому человѣку и во время самыхъ бѣдъ и скорбей дѣлаться человѣчнѣе, улучшаться, возвышаться. Духовное настроеніе его отрѣшаетъ его отъ всѣхъ временныхъ вещей, изъ которыхъ ни одна не можетъ наполнить его сердце, и онъ житель земли является гражданиномъ неба. Онъ земного не ищетъ, но всѣмъ обладаетъ, онъ къ земному

не стремится, но все къ нему направляется. „Свободенъ сый отъ всѣхъ, онъ многайшія пріобрѣтаетъ (I Кор. IX, 19). Въ какомъ бы званіи ни состоялъ, какое бы служеніе ни отправлялъ, онъ, живя мыслью о будущей жизни, возвышаетъ и свое званіе и свое служеніе. И тамъ, гдѣ онъ служитъ, исчезаетъ неправда, прекращаются страданія, водворяется справедливость, такъ какъ „на пути правды жизнь, и па стезѣ ея нѣтъ смерти“ (Прит. XII, 28).

Отцы и братіе! Кто изъ насъ не усматриваетъ въ жизни почившаго святителя этихъ чертъ истинно христіанской спасительной жизни? Кому изъ насъ не представляется именно въ такомъ видѣ дѣятельность этого неутомимаго Первосвятителя-труженика? Да и намъ ли однимъ? Градъ столичный что о немъ скажетъ? Саратовъ и Нижній что передадутъ? Грузія и Москва?... Не благословляютъ ли и не будутъ ли благословлять они священную память его? А Кіевъ?.. Но еще и года нѣтъ съ той поры, когда вся святая Русь всколыхнулась, чтобы почтительно выразить свою любовь и засвидѣтельствовать благоговѣйную признательность нашему святителю. И сможетъ ли кто сказать какое изъ этихъ чувствъ было болѣе сильнымъ: чувство ли любви къ архипастырю за его личныя качества, или чувство признательности за его многоплодную дѣятельность? Выражая одно чувство, всѣ выражали и другое.

Такъ, никому невѣдомый въ началѣ своей жизни и скромный всегда, почившій святитель, не ища, получаетъ почетъ и власть въ церкви, уваженіе и любовь во всей землѣ русской, благоговѣйное почитаніе во всемъ мірѣ православномъ.

Что возвысило его такъ? Возвысило его то духовное настроеніе, въ которомъ онъ пребывалъ всѣ дни своей жизни. Ровно текла эта жизнь, принесенная въ жертву Богу. Нѣтъ въ ней ничего поражающаго и изумляющаго, она чужда всего этого. Но если всмотрѣться въ нее внимательнѣе, то сразу можно замѣтить все богатство ея, всю полноту ея содержанія, которое все всецѣло состояло изъ заботъ о благѣ другихъ. Принимая на себя подвигъ архи-

пастырскаго служенія, онъ даетъ обѣтъ—„жить и служить не для себя, а для церкви Божіей и для душъ, которыя будутъ ввѣряться его архіерейскому смотрѣнію и попеченію“, и этотъ обѣтъ потомъ свято выполняетъ онъ во всю свою жизнь, твердо и неуклонно осуществляя требованія вѣчной правды Божіей и своего любвеобильнаго сердца. Съ величавымъ спокойствіемъ, поразительнымъ терпѣніемъ и неоскудѣвающею любовію, твердо и безъ колебаній раскрываетъ онъ сокровищницу своей души и износитъ оттуда „новое“ и „старое“ (Мѳ. XII, 52), построяя новое на опытѣ добраго стараго и устроя такъ благо своихъ пасомыхъ. Все, всю душу свою отдаетъ онъ дѣлу своего пастырскаго служенія, почему и со стороны пасомыхъ получаетъ столько, сколько рѣдко выпадаетъ на долю одного человѣка. Между пастыремъ и пасомыми происходитъ трогательный обмѣнъ того, что есть въ человѣкѣ самаго дорогого. Взаимныя молитвенныя благожеланія сказываются тѣмъ, что пастырь незамѣтно для себя восходитъ по степенямъ святительскаго служенія до высоты первосвятительства, которое объемлетъ всю русскую церковь, весь православный русскій народъ. Чуждый мірского шума и суеты—инокъ, до конца дней своихъ смиренный подвижникъ, дѣлается свѣтиломъ, подъ благотворными лучами котораго произрастаютъ на нивѣ Божіей сѣмена истинной вѣры и правды. Сѣять эти сѣмена и заботиться о произрастаніи ихъ онъ считаетъ главнымъ дѣломъ своего служенія. Человѣкъ не отъ міра сего, онъ вслушивается въ призывъ міра и старается отвѣтить на него властнымъ словомъ и добрымъ дѣломъ, научая и другихъ поступать такъ.

Среди тягостей архипастырскаго служенія, духовное бремя душъ пасомыхъ было какъ-бы недостаточно тяжело для него и онъ возлагаетъ на себя тяжесть заботы и объ ихъ матеріальномъ благополучіи. Строя св. храмы, училища онъ строитъ и богадѣльни и больницы,—спасая и просвѣщая души, исцѣляя тѣла, онъ безъ шума старается и вещественнымъ хлѣбомъ насытить алчущихъ. Много несчаст-

ныхъ и обездоленныхъ горько зарыдаютъ, услыхавъ о смерти своего благодѣтеля.

Но скорбь эта—скорбь личная, утопающая въ глубинѣ общей скорби, вызываемой столь тяжелою утратою, понесенною церковью, обществомъ и всѣмъ православнымъ міромъ.

Всякому видно, что въ спасительномъ смыслѣ представляетъ собою наше время. На нашихъ глазахъ появились вѣянія, носители и выразители которыхъ стараются поколебать и ниспровергнуть все великое и святое, чѣмъ доселѣ жило христіанское общество, и во имя истины и правды совершаютъ страшное насиліе надъ душею и совѣстью вѣрующаго. Человѣкъ внутренній со всѣми его святыми чаяніями, вѣрованіями и желаніями отвергается и осмѣивается, какъ наслѣдіе затхлаго прошлаго. Явились обновители и воскресители, предлагающіе христіанину сознаться въ томъ, что онъ былъ доселѣ неправъ, былъ дурнымъ, предлагаютъ ему жить по ихнему, чтобы быть хорошимъ, предлагаютъ жить по божьему безъ вѣры въ Бога. Такою проповѣдью закрываютъ они путь къ вѣрѣ для тѣхъ, кто въ ней наиболѣе нуждается и кто ея горячо ищетъ. И это совершается подъ видомъ заботы о благѣ ближнихъ.

Тяжелое теперь время. Всякій, кто не разучился мыслить и чувствовать, переживаетъ теперь невыносимое горе, видя гибель обновляемыхъ и гибель самихъ обновителей. Эти люди, „имѣже кончина погибель и слава въ студѣ ихъ, иже земная мудрствуютъ“ (Филипп. III, 19), не понимаютъ того, или не желаютъ понять, что крѣпость, которою держится все, Церковь Христова, внѣ ихъ усилій, но они продолжаютъ дѣйствовать въ томъ же гибельномъ направленіи, привившая ядъ и сѣя смуты среди членовъ церковнаго тѣла. Заражаясь примѣромъ ихъ и наставленіями другихъ враговъ церкви, нѣкоторые изъ дѣтей ея достойные полнаго сожалѣнія, въ простотѣ своей также воображаютъ себя призванными обновителями и церковной жизни и церковной вѣры. Гибнутъ и эти.

Вотъ почему, и поэтому въ особенности, при взглядѣ на сей гробъ чувствуется въ сердцѣ острая боль отъ созна-

пія тяжелой утраты. Если и всегда, то въ настоящее время наиболѣе необходимъ на церковной свѣщницѣ человѣкъ, въ которомъ воплощалась бы вся жизнь, совокупность здѣшней земной и не здѣшней небесной. Только при такомъ представленіи жизни и живомъ образѣ такой жизни жизнь земная не является какимъ то отрывкомъ, не имѣющимъ начала и конца, отрывкомъ, не имѣющимъ опредѣленнаго смысла, а является частью великаго и таинственнаго цѣлаго, которое во времени безконечно.

Взирая на живой образъ такой единственно истинной и имѣющей глубокій смыслъ жизни, иные изъ современныхъ просвѣтителей, въ которыхъ не заглохла еще совѣсть, стѣснялись, а другіе и не дерзали говорить о жизни иной, другого характера. Въ виду этого невольно подумаешь о жестокости смерти, взявшей отъ насъ нашего святителя, скалу нашей вѣры и крѣпость нашей надежды.

Но такъ какъ „наше житіе на небесѣхъ есть“ (Фил. III, 20), то мы должны утѣшаться тѣмъ, что отецъ нашъ достигъ, наконецъ, того, къ чему стремился здѣсь всю свою жизнь, чаяніе его исполнилось, упованіе не посрамило. И мы можемъ утѣшаться, мысленно слѣдя за его орлинымъ полетомъ къ горнему отечеству.

Первосвятитель церкви нашей, украшеніе ея, гордость и утѣшеніе наше! Мы съ радостію взираемъ на твое стремленіе къ небу и съ любовью будемъ обращать къ тебѣ взоры свои. О, если бы жизнь твоя, нашъ добрый святитель, научила и изъ насъ каждаго смотрѣть даже и на минуту своей жизни, какъ на звено не имѣющаго кончиться бытія! О, если бы примѣромъ твоей жизни подвигались и мы къ жизни въ чаяніи жизни будущаго вѣка!

Благослови насъ, святитель нашъ, и молись за насъ, Владыко нашъ святый, молись своими чистыми, правдивыми, не знающими скверны, устами! Поддержи своею молитвою насъ, немощнѣйшихъ чадъ твоихъ, да и мы, въ единомъ съ тобою чаяніи, хотя бы и робкими стопами до-

стигли горняго отечества, гдѣ ты теперь пребываешь съ Господомъ, Ему же слава во вѣки. Аминь.

Архимандритъ Платонъ.

РѢЧЬ,

произнесенная проф. Кіевской академіи В. Ѳ. Пѣвницкимъ, при погребеніи Высокопреосвященнаго Іоанникія, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго первенствующаго члена Святѣйшаго Синода.

Предстоя гробу великаго святителя, бывшаго вѣрнымъ Господу стражемъ и правителемъ Церкви Божіей, призываемый почтить память его словомъ, я подавляюсь тяжестью долга, на меня возложеннаго.

Вы ждете отъ меня достойной хвалы почившему, этой, по выраженію святаго Григорія Богослова, должной дани, приносимой любовію и благодарностію отшедшимъ отъ насъ отцамъ, ознаменовавшимъ путь своей жизни обиліемъ благихъ дѣяній. Но я чувствую, что мое скудное слово не сможетъ сплести вѣнецъ, хотя сколько нибудь отвѣчающій тѣмъ высокимъ достоинствамъ, какія украшали священную главу почившаго. Притомъ всѣмъ вѣдомы дѣла его, прославившія его имя во всѣхъ краяхъ страны нашей, и даже далеко за предѣлами. Это былъ высоко поставленный свѣтильникъ, горящій и свѣтящій, и благотворный свѣтъ его всюду распространялся и въ дни былъ видѣнъ, и всѣ радовались въ годы свѣтенія его и прославляли Отца небеснаго, воздвигшаго намъ мужа, именитаго силою, мудраго разумомъ, неутомимаго въ дѣланіи. Предъ нашимъ слухомъ еще не смолкли отголоски тѣхъ величаній, какія отовсюду неслись къ почившему святителю въ достопамятные дни недавняго торжества его. И время ли нынѣ повторять ихъ, когда мы собрались проводить его въ путь всея земли, и молитвенно просить Господа, да пріиметъ его въ царство славы Своея, простивъ ему всѣ вольныя и невольныя прегрѣшенія?

Въ нашемъ словѣ ищетъ исхода себѣ чувство скорби, переполняющее сердца наши, и вызываемое сознаніемъ тяжести утраты, понесенной нами въ смерти іерарха, возвеличеннаго предъ всѣми въ церкви нашей. И вы, святители, предстоящіе гробу первенствовавшаго между вами, разрѣшите мнѣ излить предъ вами это чувство,

Да изведутъ очи наши слезы день и нощь и да не престанутъ (Іер. XIV 17). Поражена лютою смертію краса твоя, матерь городовъ русскихъ, блиставшая на старѣйшемъ святительскомъ престолѣ. Восхищена отъ земли сила твоя, церковь россійская, въ лицѣ почившаго данная тебѣ Всеблагимъ и Премудрымъ Промыслителемъ. Отнятъ отъ насъ умудренный Духомъ Божіимъ руководитель нашъ, всѣмъ намъ указывавшій правила вѣры и пути богоугодной жизни, всѣмъ дававшій *образъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою* (1 Тим. IV, 12) Отозванъ кормчій, поставленный у кормила церкви православной, такою твердою и мудрою рукою направлявшій теченіе корабля, ему ввѣреннаго. Кто замѣнитъ его?

Мы видѣли, какъ годы старости истощали силы его, неустанно работавшія во славу Божію, во благо церкви и во благо паствъ, ему ввѣряемыхъ, и зная, чѣмъ онъ былъ для церкви Божіей, усердно молили Господа, да поддержитъ Онъ его ослабѣвающія силы своею всемощною благодатію, и имѣли дерзновеніе надежды, что не тщетно воспринята будетъ молитва наша. Но Господь судилъ иначе, и мы видимъ во гробѣ того, кто былъ нашею крѣпостію, нашею опорою и нашимъ утѣшеніемъ. Покорно подчиняясь велѣнію суда Божія, въ глубокой печали, сокрушеннымъ сердцамъ мы дерзаемъ взывать: *Надежда Израилева, Господи, Спасителю нашъ во время скорби!... Еда будеши, якоже человѣкъ спяй, или аки мужъ, не моцій спасти? Ты же въ насъ еси, Господи, и имя твое призвано бысть на насъ, не забуди насъ* (Іер. XIV, 7 8). Къ Тебѣ обращаемся съ мольбами, и у Тебя просимъ утѣшенія. Воздвигни мужа благопотребнаго на опротѣвшій святительскій престолъ, и даждь ему, *да духъ почившаго сугубъ будетъ въ немъ* (4 Цар. 11, 9).

Къ общей скорби, раздѣляемой нами и, признательный и преданный ученикъ почившаго, дерзаю присоединить выраженіе нашей особенной печали отъ лица служителей той школы, старѣйшимъ представителемъ которой я являюсь предъ вами. Для насъ невыразимо тяжела утрата почившаго. Съ нами почившій святитель связанъ была самыми крѣпкими узами. Имѣю утѣшеніе засвидѣтельствовать предъ всѣми, что эти узы никогда не прерывались и никогда не ослабѣвали, и въ тѣ годы, когда онъ призываемъ былъ Промысломъ на служеніе церкви вдали отъ насъ. Получивъ воспитаніе въ нашей обители знаній, онъ избранный первенецъ ея, ей посвятилъ свои силы въ годы крѣпости своей, и называлъ ее своею родною, своею матерію-кормилицею, и до конца дней своихъ относился къ ней съ полною любовью и благорасположеніемъ, всегда готовый служить ей своею помощію, своими щедротами и своимъ ходатайствомъ, и мы видѣли въ немъ, восходившемъ отъ силы въ силу, ея славу и ея украшеніе. Въ послѣдніе годы Господь даровалъ намъ въ лицѣ его близкаго намъ мудраго начальника и руководителя и благостнаго попечителя. И нужно ли упоминать предъ вами, какъ цѣнно и благотворно было для насъ его мудрое руководство? Нужно-ли говорить, какою радостію и благодарностію наполняли сердца наши его истинно отеческія заботы о насъ и его мѣропріятія, направленныя къ лучшему устроенію духовныхъ училищъ? Его всегдашнее милостивое вниманіе къ намъ ободряло насъ въ трудахъ нашихъ, и мы безъ умиленія не можемъ вспоминать, что, и при своей болѣзненной немощи въ послѣдніе дни своей жизни, онъ стремился къ намъ, и мы съ нетерпѣніемъ ждали его, надѣясь слышать отъ него руководство или уроки мудрости. Но вотъ онъ оставилъ насъ, и уже больше не придетъ къ намъ...

Но, нѣтъ! Напрасно сказалъ я, что оставилъ насъ любившій насъ нашъ руководитель и попечитель.

Мы вѣруемъ, святитель Божій, что Ты не оставилъ и не оставишь насъ. Съ нами и надъ нами будетъ витать Твой безсмертный духъ, и никогда не умретъ среди насъ память

о Тебѣ, и она будетъ для насъ руководящею и ободряющею силою. Мы вѣруемъ, что, и по переселеніи отъ насъ въ обители небесныя, Ты не оставишь насъ и будешь ходатаемъ за насъ предъ Богомъ, Которому благоугождалъ Ты во время жизни своей. Благослови насъ изъ гроба незримымъ благословеніемъ духовнымъ на успѣшное продолженіе того дѣла, которое такъ близко и такъ дорого было Тебѣ. А мы, умиляемые свѣтлыми воспоминаніями о подвигѣ, Тобою совершенномъ, и о Твоей любви къ намъ, не престанемъ возносить горячія молитвы къ Всевышнему, да воздастъ Тебѣ вѣнецъ правды Онъ, праведный Судія, и да упокоитъ Тебя въ царствѣ славы Своея. Аминь.

СЛОВО.

произнесенное на заупокойной литургіи при гробѣ Высокопреосвященнаго Іоанникія, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго, 10 іюня 1900 года, наканунѣ погребенія.

Итакъ,—не стало у насъ маститаго Архипастыря!

Уже года два послѣднихъ коса смерти занесена была на эту жизнь, принадлежащую исторіи отечественной церкви и имѣющую составить въ ней выдающуюся страницу, но медлила, какъ бы боясь скосить ее. Блѣдность лица, хладность руки, слабость голоса и особенно ногъ, порождали недоумѣніе, чѣмъ держится жизнь въ столь немощной плоти! Но въ этой немощной плоти былъ бодрый духъ. Святитель продолжалъ свою обычную дѣятельность на томъ высокомъ свѣщникѣ, на которомъ былъ поставленъ. Усиленное охраненіе, строгое воздержаніе сберегли хрупкій сосудъ. Но вотъ нѣсколько вспышекъ пламени... и дорогая жизнь погасла. Такъ гаснетъ лампада, истощивъ, наконецъ, елей свой.

Къ въ Бозѣ почившему архипастырю въ извѣстной, конечно, мѣрѣ можно примѣнить слова Господа Іисуса Христа о святомъ Его Предтечѣ: „Онъ бѣ свѣтильникъ горя и свѣтя“ (Іоанн., 5, 35). Подобно „Большему изъ рожденныхъ женами“, онъ также горѣлъ предъ Господомъ чистымъ пламенемъ вѣры и являлъ свѣтлый „образъ вѣрнымъ“ своимъ словомъ, всегда крѣпкимъ и неподкупнымъ, прямымъ и властнымъ, но исполненнымъ благости и доброжелательства; „житіемъ“ строго-подвижническимъ, смиреннымъ и скромнымъ, „любовью“ сердечною, отеческою, ничего себѣ не ищущею, но всѣмъ всегда жертвовавшею во благо другихъ.

„Сладокъ сонъ работающему“ говоритъ Соломонъ (Еккл. 5, 11). Сладокъ, надѣемся, смертный сонъ и тебѣ, почившій нынѣ Архипастырь, потому, что и ты отъ утра до вечера своей жизни не переставалъ трудиться, пока не насталъ послѣдній часъ твоей честной работы. Прискорбно для насъ настоящее зрѣлище: вмѣсто того, чтобы видѣть тебя лицомъ къ лицу, принесть тебѣ и получить отъ тебя обычный привѣтъ любви и мира, мы зримъ гробъ съ бездыханными останками твоими. Но есть и утѣшеніе для насъ въ скорби нашей, именно то, что кончина твоя—блаженный покой для тебя.

Можно ли не только обнять словомъ, даже окинуть взоромъ эту долголѣтнюю жизнь, отъ самой, можно сказать, колыбели до послѣдней минуты, преисполненную тяжкаго труда? Прежде всего предстоятъ предъ нами тягости труднаго и продолжительнаго ученія, соединенныя съ разными лишеніями. Почившій Владыка воспитанникъ старой, суровой школы, еще болѣе суровой для такихъ бѣдняковъ, какимъ былъ онъ, съ раннихъ лѣтъ лишившійся своей любимой, богобоязненной матери. „Что такое сирота?—Это птенецъ, вышедшій изъ родного гнѣзда! Придетъ сирота на завѣтную могилу, но хладна и могила“, говорилъ Архипастырь по впечатлѣніямъ дѣтства въ одномъ своемъ словѣ. Въ то время, согласно старому также присловію, „корень ученія“ былъ „очень горекъ“ и только плоды его издали манили къ себѣ воображаемою сладостію. Усердіемъ, терпѣ-

ніемъ, настойчивостью, при блестящихъ дарованіяхъ, онъ открылъ себѣ прямую дорогу къ высшей духовной школѣ, духовной школѣ, которую съ честью и закончилъ въ здѣшнемъ святилищѣ наукъ,

Когда свыше пятидесяти лѣтъ тому назадъ почившій святитель, какъ первый магистръ, оставленъ былъ при академіи баккалавромъ, то предъ молодымъ ученымъ богословомъ естественно открывался обычный путь служенія духовной наукѣ въ положеніи академическаго преподавателя. Но молодой ученый почувствовалъ въ себѣ иной призывъ и, воспитавшись среди гробовъ и нетлѣнныхъ мощей великихъ подвижниковъ Божіихъ, порѣшилъ послѣдовать ихъ примѣру и, едва окончилъ трудный путь ученія, сталъ на еще болѣе тяжкій путь иночества, которымъ и шелъ неуклонно. Въ стѣнахъ святыя обители сея нѣтъ надобности говорить о той чашѣ разныхъ лишеній и скорбей, какими преисполнена эта, на взглядъ міра столь якобы покойная, жизнь инока. Кто испыталъ эту тяжесть одиночества съ запретомъ на все, для другихъ дозволительное, это томленіе духа вдали отъ людей самыхъ близкихъ и дорогихъ, эти скорби отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ, тотъ знаетъ, сколь великъ и тяжелъ трудъ иноческій.

Принятіе почившимъ святителемъ иночества поставило его на иной жизненный путь не косвеннаго только служенія церкви, чрезъ посредство духовной науки, а прямого служенія ей въ качествѣ священноначальника. Извѣстны труды и скорби начальствованія. Начальствованіе въ духовныхъ школахъ было только подготовленіемъ къ поднятію тяжкаго бремени епископскаго. „Какъ“, скажутъ иные, епископство—это „почесть горняго званія!“ Не здѣсь ли награда трудовъ и скорбей,—и ученія и иночества? Да, это высоко цѣнимое въ церкви служеніе! Но чего стоитъ поднять на себя и нести это тяжкое бремя заботъ и отвѣтственности за всѣхъ, чего стоитъ эта неустанная борьба и за себя и за другихъ съ врагами спасенія въ наше опасное время?! Можно не безъ основанія сказать, что святительское служеніе почившаго было самымъ тяжкимъ на всемъ его цѣложизненномъ пути.

Есть имена, которыя не требуютъ пространныхъ повѣствованій и сами говорятъ за себя больше, чѣмъ можетъ сказать о нихъ постороннее, хотя бы и восторженно настроенное слово; и къ такимъ именно благословеннымъ именамъ принадлежитъ имя почившаго святителя. Достаточно упомянуть его, и предъ сознаніемъ всякаго сына православной русской церкви возстаетъ свѣтлый образъ святителя, въ которомъ для всѣхъ осязательно воплощается освященный исторіей и взлелѣянный народнымъ духомъ образецъ истинно-православнаго Архипастыря, строгаго къ себѣ и милостиваго, любвеобильнаго и отечески-попечительнаго въ отношеніи къ другимъ. Все долголѣтнее служеніе почившаго святителя,— отъ скромнаго начала до высшаго положенія первенствующаго члена Св. Синода было, именно, постояннымъ и неуклоннымъ стремленіемъ къ осуществленію этихъ началъ.

Въ краткомъ словѣ невозможно показать все это въ событіяхъ его жизни, но всякій членъ православно-русской церкви на каждую черту указаннаго нами образа почившаго найдетъ подтвержденіе въ свѣдѣніяхъ о его жизни, обнародованныхъ въ печати ранѣе его кончины, по случаю юбилейнаго празднества. Но не можемъ не сказать, что почившій Архипастырь прежде всего былъ мудрый и твердый правитель, ставившій во главу своего управленія строгую законность, неподкупную правду, высокое безпристрастіе и справедливость, чуждыя искушенія человѣкоугодія и подобострастія предъ сильными міра сего, особенно, когда дѣло касалось интересовъ церкви, или блага подвѣдомаго духовенства. Дѣятели духовнаго просвѣщенія воспомянутъ имя почившаго, какъ горячаго поборника свѣта богословской науки; какъ насадителя во всѣхъ епархіяхъ, которыя были преемственно ввѣряемы его управленію, женскихъ духовно-учебныхъ вертоградовъ; какъ неусыпнаго попечителя объ улучшеніи матеріальнаго положенія учебныхъ заведеній, учащихъ и учащихся въ нихъ. Все духовенство не забудетъ своего архипастыря, давно уже стяжавшаго себѣ трогательное имя отца сирыхъ и благодѣтеля бѣдныхъ духовнаго званія, постоянно изыскивавшаго совершенно дотолѣ

Г. 4264.

неизвѣстные способы къ облегченію гнетущей нужды и отдававшаго на св. дѣло всѣ свои личныя средства. Той-же заботливости почившаго обязаны своимъ возникновеніемъ эмеритальныя кассы духовенства, взаимное страхованіе церквей и пр. Почившій архипастырь не переставалъ имѣть самое живое попеченіе и о духовномъ благѣ своихъ паствъ,— объ утвержденіи вѣрныхъ чадъ церкви въ истинахъ православной вѣры, о вразумленіи заблудшихъ, о школьномъ ученіи молодого поколѣнія и пр.

Такова была трудовая жизнь въ Бозѣ почившаго архипастыря. Что же теперь? Погасъ-ли свѣтильникъ сей? Можетъ-ли онъ погаснуть? Истинно-христіанская жизнь и кончина свѣтильниковъ церкви и подвижниковъ добра— одно изъ удостовѣреній общаго безсмертія и воскресенія. Можетъ-ли сокрушиться эта мощная сила духа, воспитанная и укрѣпленная такими самоотверженными трудами? Могутъ-ли погибнуть плоды духовнаго дѣланія столькихъ лѣтъ? Какая сила можетъ сокрушить такъ цѣлостно сложившійся духовный образъ? Нѣтъ, уже и теперь въ нашей мысли— не этотъ многоболѣзненный видъ старца, а живой, свѣтлый ликъ мужа силы и умственной, и нравственной.

Осиротѣвшіе овцы и пастыри почившаго архипастыря! Господь не оставитъ, конечно, духовнаго стада безъ новаго архипастыря; но не забудемъ того, кто почти десять лѣтъ ходилъ предъ нами, какъ пастырь добрый, не щадившій своей жизни для блага своихъ пасомыхъ. Какъ онъ въ своихъ святительскихъ молитвахъ всегда призывалъ на насъ милость и благословеніе Господа нашего Іисуса Христа, такъ и мы проліемъ къ Владыкѣ неба и земли молитвы о почившемъ, да сподобитъ Онъ вѣрнаго служителя Своего нетлѣннаго вѣнца въ царствіи небесномъ и да даруетъ намъ въ немъ новаго нашего представителя и молитвенника. Аминь.

Свящ. *Н. Стеллецкій.*

2007050163